

Старая госпожа Ян отшатнулась назад, глядя на приближающуюся зажигалку, и почувствовала, будто всё её тело вот-вот загорится. Вспомнив слова Ян Сы и её особое отношение к Цзян Чэню, а также вероятность того, что она действительно может её сжечь, старая госпожа быстро отпустила окно, отодвинулась назад, прижав сгорбленную спину к стене, и, запрокинув шею, пыталась отдалиться от источника огня, не в силах произнести ни слова.

Старейшина Ян чувствовал себя крайне униженным. Дрожа от гнева, он поднял трость, собираясь ударить Цзян Чжо у двери:

— Ты что, не собираешься остановить свою жену? Это же вопиющее непочтение! Вы хотите нас свести в могилу!

Цзян Чжо схватил трость старейшины и твёрдо сказал:

— Раз Ян Сы больше не признаёт вас, то и я не буду называть вас тестем. Все эти годы я видел, как вы обращались с ней. Она была терпелива и почтительна, каждый раз, пережив очередное испытание, она всё равно отдавала вам всю свою душу. Но я не такой. Я люблю свою жену, и когда ей плохо, мне тоже плохо. И ради неё я хотя бы внешне сохранял вежливость в вашем присутствии.

Старейшина Ян попытался вырвать трость, но Цзян Чжо отпустил её, и тот, схватив трость, отступил на несколько шагов, едва не упав.

Из-за эмоционального напряжения и чрезмерных усилий у Цзян Чжо заболела нога. Опираясь на стену, он сказал:

— Но с сегодняшнего дня, каждый раз, когда я увижу Ян Тяньцы, я буду его бить. Вам лучше молиться, чтобы он оставался в тюрьме, потому что, если он выйдет, я не оставлю его в покое. И вы, старики, если вы продолжаете настаивать на своём, то знайте, что у меня для вас нет никакого уважения. Поэтому, прежде чем я начну действовать, советую вам уйти самим, чтобы не усугублять ситуацию.

Старейшина Ян дрожал от гнева, но не смог вымолвить ни слова.

Как только наступила тишина, шёпот соседей стал слышен отчётливее. Кто-то, поднимаясь по лестнице, увидел, что проход заблокирован, и тихо спросил:

— Что происходит?

Сосед снизу покачал головой:

— Это родственники родителей Ян Сы, опять пришли скандалить!

Поднимающийся человек был старым соседом и знал о делах семьи Цзян. Самым известным был случай примерно десять лет назад, когда Ян Тяньцы потребовал, чтобы Ян Сы отдала место в школе её сына Цзян Чэня своему сыну. Тогда вся семья Ян встала у дверей семьи Цзян, умоляя и ругаясь, так что весь дом не мог уснуть. Кто-то попытался защитить семью Цзян, но был осыпан оскорблениями старой госпожой Ян.

Услышав это, поднимающийся человек с сочувствием сказал:

— И что на этот раз? Родственники Ян Сы совсем потеряли стыд, постоянно скандалят тут.

— Говорят... — сосед снизу наклонился к его уху и прошептал несколько слов.

Тот широко раскрыл глаза:

— Не может быть!

Сосед снизу кивнул, указывая наверх, и они увидели Цзян Чэня, появившегося у двери.

— Мама, — Цзян Чэнь быстро поднялся по лестнице и взял руку Ян Сы, сжимающую зажигалку, которая уже побелела от напряжения. — Отпусти зажигалку, это опасно.

Напряжённая рука Ян Сы ослабла, и зажигалка упала на пол. Она растерянно повернулась:

— Чэньчэнь, почему ты вышел?

Цзян Чэнь поднял зажигалку с пола и с лёгкой досадой сказал:

— Разве вы не собирались в полицейский участок? Там только что звонили.

Тут Ян Сы вспомнила, что забыла о важном деле. Она уже собиралась заговорить, как старая госпожа Ян воспользовалась моментом и схватила Цзян Чэня:

— Цзян Чэнь, я ведь твоя бабушка, а Тяньцы — твой родной дядя. Ты не должен позволить своему дяде сесть в тюрьму! Иначе тебя постигнет кара, тебя поразит молния!

Выражение лица Ян Сы изменилось. Она оттолкнула руку старой госпожи Ян и, как наседка, защищающая своего птенца, встала перед Цзян Чэнем:

— Что значит «позволить Тяньцы сесть в тюрьму»? Когда Ян Тяньцы похитил Цзян Чэня, он должен был понимать, что это кончится именно так. Это его карма! Это он должен быть поражён молнией!

Зажигалка была у Ян Сы отобрана, и старая госпожа Ян почувствовала себя увереннее. Она посмотрела на Цзян Чэня:

— Я вижу, что с тобой ничего не случилось. Раз ты не пострадал, зачем сажать твоего родного дядю в тюрьму? Он уже понял свою ошибку. Бабушка знает, что ты всегда был хорошим мальчиком, ты обязательно простишь своего дядю, правда?

— Чэньчэнь, иди домой, это дело между взрослыми, ты...

— Мама.

Цзян Чэнь прервал её, улыбнулся, чтобы успокоить, и вышел из-за её спины.

— Госпожа Ян, я помню, что в марте этого года, когда мой отец попал в аварию и лежал в постели, она умоляла вас вернуть часть денег, которые вы у неё заняли, чтобы помочь семье в трудное время. Когда разговор зашёл в тупик, вы оскорбили меня и моего отца, и тогда мама разорвала с вами отношения, — Цзян Чэнь посмотрел на старейшину Ян внизу и спокойно сказал. — Вы ведь не забыли об этом, правда?

— Какие разорванные отношения! — старая госпожа Ян нахмурилась. — Я ничего такого не говорила! Ян Сы — моя дочь, как мы могли разорвать с ней отношения!

— Вы, возможно, уже забыли из-за возраста, но, к счастью, у нас есть запись.

Цзян Чэнь усмехнулся, достал телефон из кармана и включил запись.

В лестничной клетке воцарилась тишина, все напряжённо слушали. Когда содержание записи стало ясно, выражение лиц большинства стало неоднозначным, а взгляды на старую пару Ян стали ещё более выразительными.

Выражение лица старейшины Ян становилось всё мрачнее по мере прослушивания записи. Когда запись закончилась, морщины на его лице, казалось, углубились, и он весь дрожал.

— Ты! Ты! Ты! — старейшина Ян поднял руку, указывая на Цзян Чэня, его грудь вздымалась от гнева, но он не мог вымолвить ни слова.

Цзян Чэнь скользнул взглядом по нему и продолжил:

— Несколько дней назад Ян Тяньцы отправил людей, чтобы похитить меня и отвезти на окраину города Син, где складывают старые контейнеры. Люди, которые меня похитили, сначала закрывали мне глаза, но потом позволили мне увидеть их лица. Прежде чем приехала полиция, они, обнаружив, что место раскрыто, собирались убить меня, чтобы замести следы. С самого начала они не планировали позволить мне вернуться домой. Так что, если бы полиция не приехала вовремя, вы бы не увидели меня здесь.

Ян Сы замерла, резко вдохнув. Она ничего об этом не знала и не подозревала, что всё было настолько опасно.

Остальные тоже слушали с ужасом, не ожидая, что подобные сцены из сериалов или то, что они считали возможным только в семьях богачей, действительно произошли рядом с ними. И ведь Ян Тяньцы был родным дядей Цзян Чэня, и он действительно собирался его убить. Ян Сы была права, такие люди хуже зверей!

— Ты лжёшь! — старая госпожа Ян указала на Цзян Чэня. — Он похитил тебя только для того, чтобы вымогать деньги у твоей матери, как он мог действительно убить тебя! Он же не дурак!

Цзян Чэнь слегка блеснул глазами и спокойно сказал:

— То, что я слышал и видел, было именно так, и я честно рассказал об этом полиции во время допроса. Но я не ожидал, что вы, похоже, уже знали о его планах похитить меня. Похоже, это дело...

— Чушь! — старейшина Ян гневно прервал его, ударив тростью по полу. — Если вы не хотите отпустить Тяньцы, нам больше нечего сказать! Старуха, пошли!

Старая госпожа Ян тоже поняла, что проговорилась, и, поспешно спустившись вниз, поддержала старейшину Ян, и они быстро скрылись из виду.

Ян Сы крепко сжала руку Цзян Чэня:

— Чэньчэнь...

Цзян Чэнь взял её руку и мягко улыбнулся:

— Со мной всё в порядке, мама, не волнуйтесь. Полиция всё ещё ждёт, давайте пойдём в участок.

*

Семья Хэ

Ян Юнь поставила на стол серебряный суп с лотосом и семенами, который она готовила всю ночь.

Хэ Цяньюй, сидя за столом, с нетерпением попробовала суп и, моргнув, сказала:

— Как вкусно!

— Маленькая обжора, — Ян Юнь погладила её по голове, улыбаясь. — Твои два ленивых брата ещё не проснулись, поднимись и позови их, скажи, что завтрак готов.

<http://bllate.org/book/16728/1538695>